

Как пилсудчики сколачивали «северный блок» (1934 — весна 1935 г.)

С. В. Морозов*

Восточные планы режима «санации», подготовка к реализации которых активно проводилась в течение 1934 — весны 1935 гг., среди прочего подразумевали создание т. н. «северного блока», участниками которого были определены некоторые из прибалтийских стран и, прежде всего, Финляндия. Заметную роль также играл тот факт, что последней было отведено весьма важное место в т. н. федеративной концепции Юзефа Пилсудского. С момента воссоздания независимой Польши в ноябре 1918 г. основной целью в системе его жизненных и внешнеполитических приоритетов было превращение его Отчизны в великую державу. В соответствии с мнением, весьма распространенным в польской историографии, будущее страны виделось последнему в форме некоего государственного образования, которое принято называть Великая Польша. Наряду с исконно польскими в нее предполагалось включение земель бывшего Великого княжества Литовского, а также территорий с преобладанием восточнославянского населения, дабы вновь водвориться в рамках польских государственных границ 1772 г.¹

Эти земли стали бы своеобразным фундаментом для дальнейшего государственного строительства — создания федерации из стран, составивших бы военно-политический союз, который в исторической литературе зачастую называют «интермариум» или «междуморье»². Имеются в виду страны, расположенные между Балтийским и Черным морями — Финляндия, Эстония, Латвия, Венгрия, Румыния, Армения

и Грузия. Не исключалось присоединение к союзу стран, расположенных у Эгейского и Средиземного морей³. Поскольку предполагалось, что прибалтийские страны — Финляндия, Эстония и Латвия должны были стать северным рубежом Великой Польши, то не представляется удивительным, что творцы польской внешней политики отводили им важную роль в процессе подготовки своих восточных планов.

Следует сразу же обратить внимание на тот факт, что большинство вышеуказанных прибалтийских стран не было заряжено стремлением движения на восток как пилсудчики, для них, скорее всего, было свойственно чувство опасения в отношении Советского Союза. Причем по сравнению с Латвией у Финляндии и Эстонии оно присутствовало в большей степени, что во многом объяснялось не совсем справедливыми относительно РСФСР условиями, заключенного 14 марта 1920 г. Юрьевского мирного договора⁴. Впрочем, давайте будем продвигаться вперед постепенно и последовательно.

Независимость Финляндии была провозглашена 6 декабря 1917 г., и большевики признали сей факт уже 31 декабря⁵. Западный вектор её внешнеполитического курса характеризовался непоследовательностью — сначала он был прогерманским, а после поражения Германии стал проантантовским. Южный же вектор отличался стабильной агрессивной направленностью, что привело к первому, 1918–1920 гг., и второму, 1921–1922 гг., советско-финским вооруженным конфликтам. Их целью было отторжение от

* **Станислав Вацлавович Морозов** — Д. и. н., профессор кафедры Всеобщей истории, философии и политологии, Исторический факультет, Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк.

РСФСР Восточной Карелии и Архангельской Карелии от Белого моря до Балтики с границей на востоке по заонежским районам Онежского озера и присоединение этой территории к Финляндии с целью создания Великой Финляндии. Первый завершился вышеупомянутым Юрьевским (Тартусским) мирным договором, а второй — Соглашением о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы от 1 июня 1922 г.⁶ В развязывании и ведении конфликтов не последняя роль принадлежала т. н. шюцкору, добровольным финским военизированным формированиям.

Как можно без особого труда заметить — во внешней политике Польши и Финляндии с момента обретения ими независимости присутствовала общая черта — стремление к обретению великодержавного статуса. И данное, с позволения сказать, преобразование в иерархии международных отношений предполагалось осуществить за счет аннексии советской территории. Как мы увидим далее, данное стремление в обеих странах будет наблюдаться и в более поздний период. Так или иначе, но уже тогда, в первой половине 1920-х гг. имела место тенденция «пристегнуть» прибалтийские страны к внешней политике Польши.

В частности, 13 марта 1922 г. между Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией было подписано в Варшаве соглашение, предполагавшее, среди прочего, гарантию взаимных консультаций о совместных военных действиях в случае агрессии против одной из сторон⁷. Правда финские политики, проявляя небывалую гибкость и осторожность, умудрились через 8 дней подписать в Москве предварительное соглашение о принятии мер по обеспечению неприкосновенности советско-финляндской границы⁸, а впоследствии воздержались от ратификации варшавского документа. В 1925 г. поляки предприняли попытку военно-политического сближения, однако финны были начеку и остались на нейтральной позиции. Впрочем, на Вежбовой⁹ считали, что балтийское соглашение «в той или иной форме в конечном итоге удастся заключить»¹⁰.

В целом польско-финляндские отношения характеризовались определенной конструктивной направленностью и сердечным взаимопониманием. В частности, в декабре 1927 г. министром иностранных дел Финляндии стал бывший посланник в Варшаве, яркий полонофил и тайный поклонник маршала Пилсудского Ялмар Прокопе, остававшийся на

этом посту до 1931 г. и не менявший курс отношений с Польшей. Данный курс характеризовался известной степенью доверительности. Например, в апреле 1928 г. Варшаву посетил начальник штаба финского шюцкора полковник Лаури Малмберг, который согласился с просьбой поляков вербовать в Финляндии агентов со знанием русского языка для последующей переброски их сначала в Ленинград, а затем вглубь России.

Спустя год дипломатия Пилсудского предприняла было попытку сколотить блок с участием прибалтийских государств, но финны не захотели «ездить в польских санках» и отказались участвовать в нем. Однако финские деятели-полонофилы начали искать пути, которые направили бы обе страны в светлые чертоги будущего государственного величия. В марте 1930 г. состоялись секретные переговоры между финляндским Генеральным и польским Главным штабами о сотрудничестве и обмене разведывательными данными о РСФСР. Стороны решили разработать новые формы обмена конфиденциальной информацией и — поочередно в Варшаве и в Хельсинки — ежегодно проводить по две секретных конференции¹¹.

Следует, пожалуй, обратить внимание на некую двойственность, свойственную финляндской внешнеполитической парадигме того периода. С одной стороны, последняя характеризовалась тенденцией, тщательно маскируемой, к созданию Великой Финляндии, а с другой, опасениями заполучить агрессию со стороны Советского Союза. До определенного момента, первая особо не выпячивалась и, учитывая малоприятные последствия второй, финская дипломатия временами стремилась выстраивать двусторонние отношения в конструктивном ключе. Не последнюю роль в развитии данной тенденции сыграл Аарно Ирье-Коскинен, возглавлявший финляндский МИД в 1931–1932 гг. В частности, 21 января 1932 г. он и советский посланник И. М. Майский подписали в Хельсинки «Договор о ненападении и мирном улажении конфликтов» сроком на 3 года¹².

Однако подобного рода тенденция была, скорее, исключением, нежели правилом, а преобладающее влияние на двусторонние отношения оказывала не конструктивная, а деструктивная составляющая. Сменивший А. Ирье-Коскинена Антти Хаксель, направивший деятельность МИД до октября 1936 г., мягко говоря, не являлся сторонником сближения с СССР и неустанно находил способы продемонстрировать враждебность Москве. В частности, он

из-за кулис руководил затягиванием процесса ратификации, подписанной, среди прочих стран, и Финляндией в июле 1933 г. Лондонской конвенции об определении агрессора¹³. Соответственно были обречены на провал какие-либо инициативы касательно Прибалтики советского НКВД, о чем руководство последнего имело осведомленность.

14 декабря 1933 г. нарком М. М. Литвинов вручил польскому посланнику Ю. Лукасевичу проект советско-польской декларации, предполагавшей фактическую гарантию независимости Прибалтийских стран. Когда же 19 декабря последний, доложив о нем варшавскому начальству, повторно прибыл с положительным известием, то нарком, высказал «опасение относительно Финляндии ввиду известных симпатий там к Германии». Заметив, что преждевременное ознакомление Берлина с данной инициативой не соответствует ни польским, ни советским интересам, он высказал пожелание оставить информирование Финляндии в последнюю очередь, выбрав для этого более близкий к реализации данного предложения момент¹⁴.

Польская сторона, которая с германской дипломатией на тот момент в глубокой тайне уже несколько месяцев готовила сближение на антисоветской основе, и вовсе не заинтересованная в данной декларации, использовала ситуацию в своих интересах¹⁵. Вскоре на страницах «Дейли геральд» было опубликовано сообщение, будто СССР и Польша намерены заключить между собой пакт безопасности, включающий гарантию границ Прибалтийских стран и направленный против планов германской экспансии на Восток. В прессе прибалтийских стран, прежде всего в финляндской, разразилась целая буря. «Известия» 5 января 1934 г. опубликовали официальное опровержение ТАСС¹⁶. В этот же день министр Ю. Бек сообщил нашему полпреду В. А. Антонову-Овсеенко, что вследствие нелояльности Финляндии намерения польского и Советского правительств стали широко известны, и он дал поручение польскому посланнику в Гельсингфорсе резко протестовать против такого поведения финляндского правительства¹⁷.

«Газета Польска» на следующий день поместила опровержение ТАСС на своих страницах, сопроводив соответствующим комментарием, что «между Польшей и СССР не ведется никаких переговоров о новом пакте, относящемся к Балтийским странам»¹⁸. Тем не менее, временный поверенный в делах Польши

в СССР М. Сокольников сообщил по поручению Бека 7 января М. Литвинову, что отрицательное отношение Финляндии к декларации о независимости Прибалтийских стран, предложенной Советским Союзом Польше 14 декабря 1933 г. осложняет вопрос о ее принятии. И, хотя было добавлено, что «последняя кампания в печати и политическая кампания не меняют, однако, сущности вопроса, и Бек надеется найти с нами способ будущего сотрудничества в этой области», польский МИД впоследствии нашел способ уклониться от предложенного СССР опубликования советско-польской декларации о независимости Прибалтийских стран¹⁹.

Как можно было на данном примере заметить, Польша и Финляндия, можно сказать, весьма вдохновенно действовали касательно советской мирной инициативы, дабы ее сорвать. Варшава проводила антисоветскую линию в завуалированном виде, тщательно ее маскируя вежливой улыбкой, в то время как Гельсингфорс свое враждебное отношение не только не скрывал, но позволял антисоветским проявлениям открыто себя демонстрировать, в особенности в прессе.

После прихода в Германии к власти А. Гитлера глава МИД А. Хаксель, похоже стал негласно поощрять антисоветскую кампанию в финляндской прессе, которая к концу 1933 г. набрала такую силу и приобрела настолько оголтелую форму, что руководство НКВД не могло не оставить ее без внимания. 15 января 1934 г. член Коллегии НКВД СССР Б. С. Стомяков имел продолжительную беседу с финляндским посланником, каковым на тот момент являлся уже известный нам А. Ирье-Коскинен. Ему было заявлено, что имеет место периодическое возобновление кампаний в финляндской прессе с дикими нападениями на СССР, вплоть до «идиотских» обвинений в отравлении советскими агентами тамошних офицеров. Неоднократные обращения советского полпреда Б. Штейна к финляндскому правительству приводили лишь к ее временному прекращению, а затем кампания вновь возобновлялась дикая и нелепая. В результате обмена мнениями с наркомом Литвиновым было решено неофициально обратиться к нему, Ирье-Коскинену, принимая во внимание его авторитет и влияние, которым он пользуется в Гельсингфорсе, а также его большое внимание к необходимости поддержания двухсторонних отношений на достойном уровне. Возможно, что его энергичное вмешательство

привело бы к приостановке нездоровых тенденций и нормализации отношений.

Ирье-Коскинен был сильно встревожен этим заявлением и обещал сделать все, что в его силах. В свою очередь он попросил разрешения быть также открытым и пожаловался на финляндскую компартию, якобы, ведущую из СССР подрывную деятельность в отношении Финляндии. В ходе разговора выяснилось, что это, вероятно, финские политэмигранты, которые подчиняются советским законам и если ему удастся доказать, что они их нарушают и нелегально переходят границу, жалоба будет рассмотрена.

Б. Стомоняков заявил посланнику, что дело заключается не в финских коммунистах, а в той агрессивной работе против СССР, которую ведут в Финляндии довольно широкие круги и влиятельные организации. Они сочли настоящее время подходящим моментом для возобновления и активизации пропаганды за создание «великой Финляндии» за счет отторжения некоторых областей СССР. Наиболее скромные из них собираются аннексировать к Финляндии Восточную Карелию и Ингерманландию. Другие, как известно, распространяют карты «великой Финляндии» с границами, доходящими до Урала. «В порядке подготовки к реализации этих безумных планов лапуасцы²⁰ и всякие другие активисты сеют систематически в финляндском населении чувства самой дикой ненависти к СССР». Ирье-Коскинен пытался возражать, что, дескать, они не пользуются влиянием, однако, Стомоняков доказал, что они имеют большое влияние в Финляндии. Хотя в парламенте их всего 12, но они шли на выборах в коалиции с партией коалиционеров, которая пользуется большим влиянием в Финляндии. Таким образом, в сейме их уже 30 человек. Многие министры принадлежат коалиционерам, президент Свинхувуд им сочувствует, да и сам посланник коалиционер.

Ирье-Коскинен заметил, что имеется неплохая возможность изменить настроение финляндской общественности, в частности, крестьянства, которое играет в этом деле решающую роль. Для этого нужно всего лишь занять место Германии в отношении сельскохозяйственного импорта, который раньше шел туда, а теперь не находит себе выхода. Стомоняков не возражал против увеличения плана закупок, более того, наметки, оказывается, уже сделаны, но это можно было бы осуществить лишь после нормализации атмосферы в отношении СССР в Финлян-

дии. Ирье-Коскинен высказал предположение, что кампания скоро прекратится. В завершение беседы член Коллегии обратил внимание посланника на тот факт, что ратификация Лондонской конвенции об определении агрессора отложена министром Хакселем в связи с этой самой антисоветской кампанией на неопределенное время²¹.

Не прошло и недели, как Ирье-Коскинен 21 января проинформировал своего высокопоставленного собеседника о том, что акт о присоединении Финляндии к Лондонской конвенции ратифицирован президентом Свинхувудом²². Советский полпред Б. Штейн через три дня при встрече с министром Хакселем, получив подтверждение об отправке ратификационной грамоты в Москву, не преминул поиронизировать, что данный документ был ратифицирован сеймом еще в ноябре, а подпись президента получена лишь накануне. Его собеседник сделал вид, что иронии не заметил и с серьезным видом заявил, что, дескать, он обещал добиться передачи ратификационной грамоты вне очереди и добился.

Поскольку наряду с антисоветской кампанией в финской прессе имелись налицо и другие тревожные симптомы, как-то, перспектива создания блока из Прибалтийских государств, то далее Штейн поставил вопрос о результатах визита незадолго перед этим посетившего Гельсингфорс главы латвийского МИД В. Салнайса и получил ответ, что поездка преследовала цели улучшения финско-латвийских отношений. Советский посланник сообщил о циркулирующих слухах касательно создания блока в составе Финляндии, Латвии и Эстонии и о какой-то роли в этом деле Швеции. Его собеседник стал отрицать создание военного союза, а когда Штейн стал уточнять касательно политического блока, Хаксель, пытаясь уклониться сообщил, что между Эстонией и Литвой действительно существуют союзные отношения, а для Финляндии такие отношения невозможны и «финляндское правительство никогда не взяло бы на себя обязательств ввязываться в войну из-за чуждых ему интересов». Тогда советский дипломат поставил вопрос прямо: имеют ли место переговоры о политическом контакте касательно общности внешнеполитических тенденций. Министр не стал отрицать подобных разговоров и стремлений и заметил, что против подобных тенденций, поскольку они укрепляют положение указанных малых стран, никто протест-

ствовать не станет. Советский полпред, проявляя настойчивость, на это заметил, что все будет зависеть от того, какие тенденции будут положены в основу этого блока, и кто из посторонних будет стоять за его спиной. Хаксель заметил, что Швеция здесь ни при чем, а поездка Салнайса в Стокгольм вызвана исключительно латвийско-шведскими отношениями. Собеседник Хакселя, хорошо знавший свое дело, продолжал допытываться и получил ответ, что тот получил приглашение и в феврале собирается посетить Стокгольм и, что он допускает приезд в феврале в Гельсингфорс эстонского министра Ю. Сельямаа²³.

Информация, полученная от финского министра, носила тревожный характер, но ее оценка и значение во многом зависели от общего политического фона в стране, о каковом можно судить по беседе Б. Стомонякова с А. Ирье-Коскиным от 26 января. В ответ на жалобу последнего на трудности с заключением договора с Главрыбой и просьбу оказать содействие, ему было сказано, что это вряд ли возможно в связи с непрекращающейся антисоветской кампанией в финляндской прессе, и что если «финляндское правительство не изменит своей позиции и кампании не прекратятся, то из намеченного плана заказов также ничего не выйдет».

Член Коллегии поинтересовался, имеет ли его собеседник ответ из Гельсингфорса в связи с полуофициальной беседой от 15 января. Ирье-Коскинен ответил, что ответ им еще не получен и, что финляндское правительство не имеет возможности влиять на лапуасскую печать, выступления которой, к тому же, не имели большого значения. Стомоняков заметил, что дело не только в лапуасской печати, но в таком влиятельном органе, как «Ууси Суоми», который является органом коалиционеров и близок нынешнему министру иностранных дел Хакселю. Ирье-Коскинен не возражал и обещал опять написать в Гельсингфорс. Стомоняков, в своем комментарии, обратил внимание на сдержанность последнего и предположил, что тот либо не может, либо не хочет вмешаться энергично в это дело²⁴.

Выходило, что политический фон в стране был не менее тревожным. В совокупности с нарастающими слухами касательно создания блока Прибалтийских стран советским дипломатам следовало, что называется «держат нос по ветру». Поэтому не случайно во время встречи 27 января с министром Хакселем полпредом Штейном была зачитана замет-

ка парижского издания «Чикаго дейли трибюн» от 16 января, относительно предложения, которое финляндское правительство будто бы сделало Швеции по вопросу об укреплении островов Гогланда и Лавансари²⁵ и задан вопрос, что верного в ней содержится²⁶. Хаксель ответил, что слышит об этом впервые, а когда его переспросили замаявшись ответил: «Генштаб мне не все сообщает из своих разговоров». Он обещал уточнить в Генштабе²⁷.

Эти данные в совокупности с уклончивой позицией главы гельсингфорского МИД свидетельствовали о тревожных тенденциях во внешней политике Финляндии, тем более, что информация, поступавшая из скандинавских стран также не носила ободряющий характер. Для подтверждения можно привести строки из инструкции члена Коллегии НКВД Б. С. Стомонякова временному поверенному в делах СССР в Норвегии Л. К. Ананову от 27 января 1934 г. В частности, первый опровергал причастность СССР к ночным полетам таинственных аэропланов, о которых писала в последнее время пресса северных стран, а также «идиотские басни» о том, что «некоторые пожары на норвежских мельницах объясняют тем, что будто бы между шелухой и зерном нашего хлеба имеется какой-то взрывчатый состав»²⁸.

В целом информация, поступавшая из Прибалтийских и Скандинавских стран, свидетельствовала о деятельности каких-то весьма влиятельных сил, направленной на формирование антисоветских настроений в тамошних общественных и политических сферах. Тем не менее, чувство реальности и самосохранения правящим кругам прибалтийских стран не изменяло — политика политикой, а подстраховка никогда не помешает. 4 апреля в Москве состоялась церемония подписания протоколов продления на 10 лет договоров о ненападении с Латвией, Литвой и Эстонией²⁹.

Финляндские правящие круги решили не отставать от прибалтийских соседей. 7 апреля наркомом М. Литвиновым и посланником А. Ирье-Коскиным был подписан протокол о продлении на 10 лет договора о ненападении от 1932 г.³⁰ Наряду с этим 26 мая и 26 июня правительства СССР и Финляндии обменялись нотами о производстве работ по проверке советско-финляндской границы³¹. Тем не менее, обстановка в международной политике на тот момент была весьма нестабильная, а тенденции ее развития — тревожные.

Начало этой нестабильности следовало отнести еще к середине марта 1933 г., когда была опубликован проект «пакта четырех», рассматривавшийся руководством СССР и «малых стран» как угроза миру. В качестве некоей ответной меры Советский Союз и Франция в течение 1934 — весны 1935 гг. развернули борьбу за создание системы коллективной безопасности, получившей название Восточного Локарно или Восточного пакта. Одним из шагов по ее созданию было вступление СССР в Лигу наций. Отношение скандинавских стран к данному мероприятию можно рассматривать в качестве некоей лакмусовой бумажки их подлинного отношения к Советскому Союзу в тот период.

Еще во время январской беседы от 27 января министр Хаксель поинтересовался у полпреда Штейна слухами относительно возможного вступления СССР в Лигу наций. Последний, сославшись на опубликованные в прессе высказывания И. В. Сталина, В. М. Молотова и М. М. Литвинова³², сообщил, что «речь идет о поддержке Лиги наций создать препятствия для тех государств, которые открыто рвутся к войне как к средству разрешения международных противоречий». Поблагодарив за разъяснение, первый заявил, что «если бы СССР вступил в Лигу наций, то Финляндия это только приветствовала бы»³³.

На деле же отношение было иным. В письме временному поверенному в делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову от 5 июня 1934 г. замнаркома Б. С. Стомоняков писал, что финляндская пресса относится отрицательно как к вступлению СССР в Лигу наций, так и его сближению с Францией. Причем в этом с нею была солидарна Польша. Далее высокопоставленный дипломат обозначил некий новый, ранее не упоминавшийся спектр польско-финляндской солидарности. «Эти обе страны боятся усиления мощи и международного значения СССР, ибо их руководящие круги строят свои расчеты на возможности поживиться за счет СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против СССР вообще». Выходило, что мечты о Великой Польше, соединившись с мечтами о Великой Финляндии, готовы слиться в едином порыве с мечтами о Великой Восточно-Азиатской «сфере сопроцветания», создав, таким образом, в международной политике польско-скандинавско-японский вектор, направленный на раздел территории СССР.

Эта с позволения сказать сверхзадача требовала серьезной обработки общественного мнения, дабы подготовить его к необходимости обоснования участия в агрессии против СССР. Б. Стомоняков прямо указывал, что финляндская пресса одновременно без всякого повода вновь актуализировавшая карельский вопрос, инсценировала новую антисоветскую кампанию, и «сделала это исключительно в связи с постановкой указанных вопросов и для оправдания своей отрицательной позиции». Он также обратил внимание, что на почве этих событий стал проявляться своеобразный контакт между финляндской буржуазной общественностью и Польшей Пилсудского. Особенно это было заметно в отношении официальной газеты «Хельсингин саномат», которая, в частности, в статье из Варшавы приветствовала «идею малого прибалтийского блока фактически как орудие польской политики». Учитывая возможную перспективу превращения антисоветского дуэта в трио, замнаркома просил прислать в ближайшее время специальный доклад о японской активности в Финляндии, «собрав и подытожив все известные факты и информации об этой активности за последний год»³⁴.

Подобного рода информация была необходима, т. к. позволила бы расставить все точки над «и», ведь призрак японской угрозы мог оказаться фикцией, и тогда можно было бы вздохнуть свободней. Письмо Н. Позднякова касательно японской активности от 27 июня укрепило ответственных работников НКВД СССР в самых серьезных опасениях.

Оказалось, что еще во второй половине 1933 г. в Финляндию прибыли несколько японских офицеров. Некоторые из них оставались по 2–3 месяца и проходили стажировку в финляндской армии. Новый японский посланник по Скандинавии Тосио Сиратори, прибыв в Гельсингфорс в апреле 1934 г. в качестве одного из первых шагов дал пространное интервью той самой близкой к министру Хакселю газете «Ууси Суоми», которое можно было рассматривать в качестве его условной программы пребывания. Он заявил, что в Японии к Финляндии питают самый большой интерес, вызванный искренним сочувствием тому живому национальному духу, «который проявлялся финнами в их исторических переживаниях и особенно в самое последнее время». Советский дипломат подчеркивал, что японский «посланник поощряет и подогревает национальный дух финнов, стремящихся в настоящее время к захвату части территории СССР».

Далее в письме упоминалось газетное сообщение от 18 мая о том, что «японский барон Такахару Мицуи пожертвовал 100 тыс. финских марок Гельсингфорскому университету на литературу о Японии и Дальнем Востоке вообще». Поздняков сообщал о назначении в Гельсингфорс нового японского поверенного в делах, последовавшем вслед за обострением советско-японских отношений. Последний характеризовался как «активная и, видимо, влиятельная фигура, двоюродный брат товарища министра иностранных дел и племянник председателя правления маньчжурской железной дороги». Он сразу же добился назначения в Финляндию военного атташе (раньше таковой был один на всю Прибалтику, с местом пребывания в Риге). Свою настойчивость он объяснил специальным интересом, который заслуживает финляндская армия в глазах Японии. Обращал на себя внимание тот факт, что он владел русским языком. В качестве некоего итога советский дипломат отмечал, что «Япония весьма активно работает в Финляндии. Эта активность направлена на превращение Финляндии в своего ближайшего помощника на случай военной авантюры Японии против СССР»³⁵.

Что и говорить, известия были мало ободряющими, более того они работали на версию о польско-финляндско-японском молчаливом взаимопонимании касательно участия в потенциальной агрессии против СССР. Поскольку Москва, учитывая все нарастающую угрозу последней, в тот период вела активную борьбу за создание системы коллективной безопасности, то не было ничего удивительного в письме замнаркоминдела от 4 июля советскому полпреду в Польше Я. Х. Давтяну, где сообщалось, что Варшава и Берлин оказывают негативное влияние на Прибалтийские страны касательно этой инициативы. Не была забыта и Финляндия, которая также определенно выявила свою отрицательную позицию. Выяснилось, что уже знакомый нам министр Хаксель в бытность свою в Женеве зондировал почву относительно перспектив военного столкновения Японии с СССР. Причем в конфиденциальных разговорах он не скрывал, что Финляндия ориентируется на поражение СССР в этой войне³⁶.

Появление столь малоприятных и в то же время тревожных обстоятельств во внешней политике нашего северного соседа требовало от Москвы определенного прояснения ситуации и корректировки своей линии. В беседе с Ирье-Коскиным от

27 июля замнаркома Б. С. Стомоняков вынужден был серьезно обратить его внимание на неблагоприятное развитие двусторонних отношений, имевшее место в последнее время. Ему было заявлено, что советско-финляндские отношения вступили в период своего обострения и ответственным за то, что они, «в общем идут к ухудшению» является тамошний кабинет. Для подобных утверждений существовали глубокие причины, поскольку выяснилось, что финские националисты, имевшие решающее влияние на политику своей страны, ориентировались на войну с СССР в будущем. Борис Спиридонович при этом сослался на речь маршала Маннергейма, заявившего, что Финляндия не сможет остаться нейтральной в будущей войне. «Если с таким заявлением может выступать Маннергейм, то ничего удивительного, что в прессе и в различных организациях в Финляндии ведется открытая пропаганда ненависти к СССР, подготавливающая участие в будущей войне». Ответственный работник НКВД не обошел своим вниманием и отрицательное освещение финляндской прессой вопроса о возможном вступлении СССР в Лигу наций, а также крайне-недружелюбное комментирование советско-французского сближения. Эта кампания происходила на фоне исключительно враждебного в отношении СССР обсуждения т. н. карельского и ингерманландского вопросов. Не были забыты и нападения на советское полпредство, имевшие место в июне и июле текущего года, политическое значение которых финский суд пытался замазать³⁷. Поскольку все это произвело на советское руководство неблагоприятное впечатление, то финляндскому правительству было предложено «задуматься над положением, которое стало уже достаточно серьезным»³⁸.

Если верить словам ответственного работника НКВД воинственность в финляндских националистических кругах разыграла не на шутку, но, может быть, она не носила продолжительный характер? Может она столь же стремительно угомонилась, как и возникла? К сожалению, она не только не ослабла, а продолжала набирать силу и приобретать все более широкий масштаб.

Полпред Б. Штейн сообщал 12 сентября из Гельсингфорса, что посетивший его Ирье-Коскинен признал, что стремление добиться «освобождения» Карелии и Ингерманландии во время возможного конфликта между СССР и Японией сделалось *всеобщим мнением* в Финляндии. По его словам выходило,

что финляндское правительство уже само озабочено волной небывалой антисоветской пропаганды и обсуждало даже проект закрытия карельского академического союза³⁹, однако эта мера встретила сопротивление со стороны главы МВД, который сам являлся его членом. Полпред считал желательным серьезный разговор наркома Литвинова с Хакселем в Женеве и просил руководство со своей стороны поддержать это предложение⁴⁰.

Руководство НКВД с большим вниманием отнеслось к информации Б. Штейна, о чем свидетельствует письмо замнаркоминдел Б. С. Стомонякова временному поверенному в делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову от 15 сентября. В нем сообщалось, что после получения сообщения о положительном отношении великих держав, и в частности Англии, к вступлению СССР в Лигу наций, Финляндии ничего другого не оставалось, как тоже дать на это согласие. Вместе с тем, однако, финляндские правящие круги — все буржуазные партии, включая социал-демократов, решили после вступления СССР в Лигу наций поставить там вопрос о Восточной Карелии. Таким образом, вступление СССР в Лигу могло открыть новый период конфликтов с Финляндией.

Далее высокопоставленный работник НКВД со ссылкой на итальянские источники вновь информировал о новом проявлении японской активности в Финляндии. По информации итальянского посланника в Гельсингфорсе Тамаро, на недавних маневрах в Восточной Финляндии присутствовали несколько японских офицеров. Министр Хаксель как-то при случае делился с ним же, что на зимних маневрах вновь будут японские офицеры, ибо-де Япония вообще интересуется зимними методами военной работы. Одновременно все тот же источник сообщал, что, по дошедшим до него сведениям, в нескольких внутренних центрах обосновались японские купцы с целью организации разведывательной сети в Финляндии, направленной против СССР.

Учитывая вышеизложенную информацию, замнаркома призывал к усилению бдительности у советских дипломатов. Полпредству предписывалось «по всем линиям развивать максимум инициативы и энергии для выявления форм враждебной нам работы в Финляндии и, в частности, для выявления японской работы»⁴¹.

В этой тревожной ситуации все большую актуальность начинало приобретать вступление СССР

в Лигу наций, принадлежность к которой во многом облегчала борьбу за создание системы коллективной безопасности, т. е. Восточного пакта. Длительная, упорная и кропотливая работа советской дипломатии принесла плоды. 15 сентября тридцать государств-членов Лиги наций обратились к Советскому правительству с телеграммой, в которой содержалось приглашение «Союзу ССР вступить в Лигу и принести своё ценное сотрудничество»⁴². Однако четыре государства — Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия не подписали данную телеграмму, а предпочли сообщить о своем решении голосовать за принятие Советского Союза в Лигу обычным дипломатическим путем. И, хотя некоторые из тамошних дипломатов «просили не рассматривать это как антисоветский жест и уверяли в дружелюбии по отношению к СССР»⁴³, у советского руководства не было оснований рассматривать этот шаг в качестве проявления такового. Выходило, что опасения в связи с возможным созданием «северного блока» были не напрасны, и матрица последнего дал о себе знать.

Набиравший силу японо-скандинавский вектор в совокупности со все ширившимися сообщениями о росте антисоветских настроений в чертогах северного соседа настоятельно требовали корректировки последних путем воздействия через официальные дипломатические каналы. В беседе с Б. Стомоняковым от 25 сентября А. Ирве-Коскинен констатировал, что возрастающая антисоветская пропаганда в его стране начинает вызывать беспокойство уже многих в руководящих кругах Финляндии. Он утверждал, что правительство, якобы, принимает кое-какие меры, но, к сожалению, его возможности ограничены, ибо пресса все же свободна. В частности, премьер Кивимяки, принимая депутацию студентов, протестовавших против поддержки Финляндией принятия СССР в Лигу наций, будто бы очень серьезно отчитал их, разъяснив, что они не должны вмешиваться в политику. По его словам, была призвана к порядку также газета «Аян-Суунта». Посланник не склонен был преувеличивать значения всех этих выступлений, ибо «все серьезные люди в Финляндии хотят поддерживать нормальные отношения с СССР».

Борис Спиридонович смотрел на вещи шире и одновременно глубже. Сославшись на свои летние заявления и развивая их, он заявил собеседнику, что считает положение финско-советских отношений весьма серьезным. Та агитация, которая развернулась

в Финляндии, в частности, в связи со вступлением СССР в Лигу наций, произвела в Москве серьезное впечатление. Еще большее впечатление произвели известия о том, что пропаганда участия Финляндии в будущей войне с СССР делает большие успехи и что, в частности, делается ставка на присоединение к Японии в случае нападения последней на СССР. Замнаркома подчеркнул, что никогда за 9 лет, в течение которых он занимался советско-финляндскими отношениями, их состояние не было более серьезным. Оно привлекает к себе в Москве все большее внимание, и НКВД, вероятно, придется очень скоро делать доклад правительству по данному вопросу. Можно ожидать, что советское правительство примет те или иные решения против дальнейшего развития агрессивной пропаганды в Финляндии. Не следует также ожидать, что советские газеты будут долго замалчивать антисоветскую кампанию финляндской прессы. Он поинтересовался у Ирве-Коскинена, передал ли тот финляндскому правительству те предупреждения, которые ему были сделаны летом в день его отъезда из Москвы. Последний ответил утвердительно и сказал, что ввиду сложности вопроса он говорил об их беседе не с Хакселем, а с премьером Кивимяки, у которого нашел понимание. Для порядка замнаркоминдел поинтересовался, беседовал ли посланник с президентом Свинхувудом. Тот как бы запнулся, а потом с улыбкой сказал: «Вы знаете, что президент не очень любит вас (Ирве-Коскинен, очевидно, имел в виду СССР) и вообще русских». Однако он за осторожность, против резких антисоветских выпадов и за корректное отношение⁴⁴.

Выходило, что влияние сил, воздействовавших на рост антисоветских настроений и расширение чаяний на участие Финляндии в потенциальной японской агрессии против СССР, было настолько значительным, что даже первым лицам государства приходилось с ними считаться. Учитывая всю серьезность положения, а также вероятность втягивания Финляндии в северный блок, руководство НКВД держало в курсе дел и полпреда в Швеции А. М. Коллонтай. В письме от 14 октября нарком М. М. Литвинов, упомянув об усиленной политической активности Швеции и проявление ее особого интереса к Прибалтике, обращал её внимание, главным образом, на блок Скандинавии с Финляндией.

Если раньше, при мирном и лояльном поведении Финляндии можно было не обращать внимания на

перспективу возникновения указанного блока, и одно время НКВД готов был приветствовать отвращение Финляндии от польско-прибалтийских интриг в сторону Скандинавии, то в данный момент ситуация изменилась кардинальным образом. В течение последнего времени значительно усилились шовинистические агрессивные элементы не только в общественных, но и в политических кругах Финляндии. А мечта «о великой Финляндии» путем завоевания Карелии, Мурманска и чуть ли не всего Севера до Урала становилась действенным фактором финляндской политики. Глава НКВД процитировал признание одного финского дипломата, который недавно в беседе признал, что «вопрос о завоевании Карелии, которым раньше занимались специальные незначительные организации, в настоящее время овладел умами почти всей Финляндии».

Нарком не сомневался в том, что Финляндия, равно как и Польша, строит свою политику на расчетах возможного конфликта СССР на Дальнем Востоке, заранее решив, в известный момент, в него вмешаться. Учитывая данную установку Финляндии, не приходилось удивляться тому, что вся финская печать проявляла крайнюю враждебность к СССР, усердно защищая японские позиции при всяком советско-японском конфликте. Блокируясь при этих обстоятельствах с Финляндией, Швеция сознательно или бессознательно втягивалась в антисоветские махинации. А первая, очевидно, заняла в шведско-финских отношениях ведущую роль, которую может присвоить себе и в скандинавском блоке «при более серьезных антисоветских выступлениях». Поскольку имелись сведения, что Швеция совместно с Финляндией обсуждала недавно вопрос об укреплении Аландских островов, нарком поручал спросить у министра Сандлера, соответствовало ли это действительности и одобряет ли последний нарушение международных обязательств. Среди прочего в письме содержалось утверждение: «Нельзя скрывать, что после Японии, Германии и Польши Финляндия является в настоящее время по своим замыслам наиболее агрессивной страной»⁴⁵.

Следует отметить, что особо тревожный тон письма наркома мог быть объяснен новыми серьезными тенденциями минорного характера, которые стали прослеживаться в международных отношениях после убийства усташами 9 октября в Марселе югославского короля Александра Карагеоргиевича

и проводника идеи Восточного пакта главы МИД Франции Луи Барту⁴⁶. Ведь во многих западноевропейских дипломатических салонах все чаще стала звучать тема о неизбежности приближающейся войны⁴⁷. Поэтому не успела Александра Михайлова сосредоточить свое внимание на обозначенном направлении работы, как через три дня последовало новое письмо от руководства, на этот раз от Б. С. Стомонякова. Он сообщал, что события последнего времени все больше подтверждают опасность, которую представляет для СССР образование «северного блока» из Скандинавских стран, где ведущую роль имеет Финляндия. Оказывается тезис о военной опасности, угрожавшей Финляндии и Швеции со стороны СССР, получал все большее распространение в Швеции, в том числе среди компетентных официальных лиц. В частности, начальник шведского морского штаба генерал де Шен, позволил себе сделать публичное заявление в газете «Афтонбладет», что «опасность идет со стороны страны, расположенной далее на Восток, и в борьбе против этой страны Скандинавские страны — не в последнюю очередь и Швеция с Финляндией — должны сойтись воедино». В связи с этим полпреду предписывалось сделать министру Сандлеру серьезное представление по поводу вышеуказанного выступления и потребовать, чтобы оно было при случае исправлено.

Поскольку в отношении СССР с середины 1934 г. все больше давал о себе знать польско-скандинаво-японский вектор, то полпреду предписывалось обратить серьезное внимание на происходившее сближение Швеции и Польши. Посетивший незадолго до этого Варшаву шведский генерал Нигрен, как оказалось, находился там не только для установления личного контакта. Из достоверных источников стало известно, что последний вел переговоры касательно передачи поляками крупных артиллерийских заказов шведским оружейным заводам «Бофорс». Он также зондировал почву относительно привлечения шведских капиталов и шведских специалистов в польскую военную промышленность, дабы они заняли то место, которое занимала Франция, и, в частности, «Бофорс» занял место Крезо. Переговоры об участии Швеции в польской военной промышленности не были завершены, т. к. не удалось договориться о количестве акций, которые должны быть предоставлены шведам. Тем не менее, последние уже получили огромные заказы на новые артиллерийские батареи и на переоборудова-

ние старых. Все это подтверждало имевшиеся в НКИД сведения об усилиях Польши сблизиться со Швецией. Очевидно, в результате «политики нового курса» министра Бека, «направленного против Франции и СССР, Польша лихорадочно усиливала свою активность в странах, прилегающих к Балтийскому морю».

При рассмотрении факторов, игравших, пусть и весьма небольшую, роль в усилении антисоветских элементов в Швеции, не была обойдена вниманием и Япония. По свидетельству шведских и иностранных газет, последняя размещала на шведских заводах все более крупные военные заказы, которые, по-видимому, являлись одним из существенных элементов того нового «просперити», которое наблюдалось за последнее время в Швеции. В заключение полпреда просили прислать в отдельном письме сведения о японской активности в Швеции⁴⁸.

За последним дело не стало и в письме от 25 октября 1934 г. полпред сообщила в НКИД о недоброжелательной настроенности шведской общественности к Японии. Например, у шведских промышленников вызывал раздражение японский демпинг на внутреннем рынке (текстиль, предметы домашнего обихода). Тем не менее, это не мешало Швеции следовать в своей ориентации по отношению к Японии за Англией. Тамошний новый японский посланник активной политики не вел, особо не «светился» и держал себя «отшельником». Пресса относительно мало уделяла места Японии, что не мешало оружейникам из «Бофорс» принимать ее военные заказы⁴⁹.

Поскольку польская и японская активность в скандинавских странах возросла весьма заметно, а их экономические связи с местным бизнесом крепились день ото дня, то руководство НКИД неустанно напоминало тамошним полпредам о бдительности на данном направлении. Замнаркома Б. С. Стомоняков писал А. М. Коллонтай 27 ноября, что никак невозможно оставаться безучастными наблюдателями касательно кампании, «которая велась в тот период в Швеции, Скандинавии вообще и Финляндии по вопросу о создании четверного антисоветского блока»⁵⁰.

В письме полпреду в Дании Н. С. Тихменеву, отправленному в тот же день, замнаркома давал оценку ситуации с широким охватом, более углубленно, с учетом набравшего силу польско-скандинаво-японского вектора. Борис Спиридонович писал о необычайном оживлении в ряде стран всех антисоветских элементов, в основе которого лежало

«небывалое обострение общеевропейской ситуации». Одним из результатов последнего была имевшая место в скандинавских странах «агитация за образование четверного союза северных стран», которая объективно представляла весьма плодородную почву для появления и взращивания «всевозможных проектов военно-патриотического характера».

Далее замнаркома разъяснял, что речь идет, прежде всего, о чрезвычайной активности всевозможных агрессивных элементов в Финляндии, мечтавших об осуществлении своих нелепых планов в результате возможного вооруженного конфликта на Дальнем Востоке и агрессии Гитлера в Восточную Европу. Не последнюю роль во всем этом движении играли также военно-консервативные круги Швеции, издавна являвшиеся носителями русофобских и антисоветских планов. Однако, в еще большей степени рост активности антисоветских элементов в Скандинавских странах был вызван враждебными СССР влияниями извне. Наибольшую активность на этом направлении проявляла, несомненно, гитлеровская Германия, и в частности, Геринг, имевший значительные связи в шведских правых кругах.

След в след за гитлеровцами следовали пилсудчики, дипломатия которых в течение последних полутора — двух лет свое внимание концентрировала на Скандинавии, и в особенности на Швеции. Оказывается еще в 1933 г. НКВД получил сведения о плане польской дипломатии в противовес Восточному пакту заключить Балтийское региональное соглашение под руководством Польши. В тот период маршал Пилсудский, как известно чрезвычайно редко принимавший иностранцев, принял и долго вел беседу с шведским посланником в Варшаве. Затем поляки кого-то послали в Швецию, а осенью 1934 г. начальник шведского Генерального штаба посетил Варшаву. Заинтересованность Польши в Швеции и усиление там польского влияния получили новую базу в крупных военных заказах, которые первая, после обострения польско-чехословацких отношений, перенесла во вторую на заводы «Бофорс». Если одновременно принять во внимание обострение отношений Польши с Францией и учесть её заинтересованность в шведском рынке, особенно для польского угля, а также географическую близость Швеции, то станет ясно, что последняя «становится постепенно дополнительной военно-промышленной базой для польского империализма».

В завершение ответственный работник НКВД обращал внимание еще на один фактор, оказывавший немалое влияние на активизацию военно-политических планов в Скандинавских странах. Речь шла о некоторых антисоветских кругах в Англии, которые видели в «северном блоке» скандинавских стран верного союзника в будущей войне с Советским Союзом. Однако, официальная причастность Англии к планам создания вышеупомянутого блока с участием Финляндии ставилась замнаркома под сомнение⁵¹.

Таким образом, к декабрю 1934 г. в Скандинавии имел место процесс формирования группировки стран, где обозначили себя тенденции на заинтересованность в японской агрессии на советском Дальнем Востоке, с тем, чтобы включиться в нее на северо-западных границах СССР, причем наиболее четко они проявлялись в Финляндии. Роль своеобразного посредника в процессе создания т. н. «северного блока» принял на себя правивший тогда в Польше режим «санации», верхушка которого тайно координировала свою деятельность с берлинскими единомышленниками. Французский премьер П. Фланден в беседе с нашим полпредом В. П. Потемкиным 4 января 1935 г. так охарактеризовал данный тандем: «Польша явно укрывается за Германию, полякам придется раскаиваться, что они избрали такого партнера. Положение Польши может оказаться фатальным, ибо в довершение всего маршал очень болен»⁵².

Однако на тот момент «польский диктатор со товарищи» были, скорее всего, в упоении от той каши, в заваривании которой на северном направлении они принимали, пусть скромное, но самое что ни на есть живейшее участие. Им казалось, что дело продвигалось по милому их сердцам антироссийскому сценарию, тем более, что кое-какая обнадеживающая для них информация всплывала в дипломатических кругах. Еще 18 октября представитель информационного агентства Херста в Лондоне У. Хиллман сообщил послу США в Берлине У. Додду, что Великобритания и Нидерланды заключили пакт. В соответствии с последним восточная граница Нидерландов должна была считаться восточной границей Англии, на случай, если Германия нападет на Францию и английская армия, продвигаясь к Германии, вступит в Антверпен. За столь ценную уступку со стороны последнего Лондон принимал на себя обязательство защищать голландские владения на Дальнем Востоке от посягательств со стороны Токио. Выходило, что сведения

о туманном Альбионе, как закулисом режиссере антисоветского сценария, имели под собой почву. Ведь на случай грандиозной заварухи, связанной с его реализацией, т. е., если вся свора вцепится в русского медведя, данный юридический документ позволял оградить интересы голландских собратьев англосаксов как от своеволия тевтонов, так и коварства самураев. А еще через 8 дней американский военный атташе в Берлине полковник Уэст, и ранее нередко обзоревавший германскую территорию с самолета, а в октябре 1934 г. совершивший 10-дневную поездку по стране, взволнованно доложил Додду: «Война неизбежна, к ней готовятся повсюду»⁵³.

Советское политическое руководство в полной мере отдавало себе отчет в надвигающейся угрозе. В своем докладе на VII съезде Советов 28 января председатель совнаркома СССР В. М. Молотова отметил «усиление, особенно в определенной части Европы, закулисной работы по перегруппировке сил на случай новой войны и поисков для этой цели союзников в любой части мира». Однако, несмотря на зловещую возню реакционных кругов в некоторых соседних странах оно не склонно было вдаваться в панику, а наоборот, делало акцент на позитивные моменты в двусторонних отношениях. В частности, среди стран, с которыми отношения развивались нормально, были названы, в первую очередь, Прибалтийские страны — Литва, Латвия, Эстония и Финляндия⁵⁴. Было также упомянуто о специальном заявлении наркома М. Литвинова, сделанном 4 апреля, о признании неприкосновенности и полной экономической и политической независимости этих стран⁵⁵. Простые советские люди, при случае, также вносили посильный вклад в укрепление добрососедских отношений с некоторыми из скандинавских соседей, о чем тамошние официальные лица не забывали ставить в известность НКВД СССР⁵⁶.

Тем не менее, тревожные тенденции в международных отношениях, то бишь деятельность режима «санации» и гитлеровцев по сколачиванию «северного блока», продолжали давать о себе знать. Дипломатические документы за февраль–март 1935 г. свидетельствуют о возраставшей активности Польши и Германии на северном направлении. В частности, постепенно находили проявление последствия декабрьского визита в Копенгаген министра Бека. В письме от 16 февраля замнаркома Б. Стомоняков рекомендовал А. Коллонтай особо задуматься над

ним в связи с комментариями газеты «Берлинер берзенцейтунг», опубликованными на страницах «Известий»⁵⁷. Он также не склонен был считать случайностью тот факт, что во время январского визита в Польшу Г. Геринга из всего дипломатического корпуса в Беловежской пуще до конца охоты был оставлен один лишь шведский посланник Бохеман⁵⁸, с которым, очевидно, имели место какие-то разговоры⁵⁹.

Последствия, к которым может приводить несоответствие реальных возможностей страны с поставленными задачами, которые принял на себя режим «санации», наглядно освещена в донесении от 24 февраля полпреда в Варшаве Я. Х. Давтяна. Вынашивание в течение длительного времени злобных и агрессивных антисоветских замыслов при одновременной необходимости отвечать вежливые поклоны и надевать обаятельные улыбки постепенно приводила к раздвоению личности и основательно подтачивала силы сторонников внешнеполитической линии маршала Пилсудского. Описывая общий тон бесед с Беком, имевших место 20 и 23 февраля⁶⁰, полпред выявлял несомненное скрытое раздражение против СССР, а также некоторую растерянность министра и неуверенность в себе. Советский дипломат беспощаден в своих характеристиках: «Поляки, верные своей тактике фальсифицирования информации о международных делах, задержали печатание нашей ноты и статьи „Известий“ [...] скрытая ненависть к нам плохо прикрывается внешней вежливостью».

Полную противоположность составляло описание мероприятий «германо-польского флирта», который «продолжался вовсю». Среди таковых были перечислены — триумфальное турне с лекциями по Германии Каден-Бандровского⁶¹; поездка представителей Варшавского и Краковского муниципалитетов в Дрезден на шопеновские торжества; выставка польской графики в ряде городов Германии; радиопереклички; поездка делегации в составе 20 человек польского министерства коммуникаций в ряд городов Германии. Отмечалась также исключительно дружественная позиция, которую по-прежнему занимала в отношении Германии польская пресса, в частности, корреспонденты «Газеты польской» в Берлине и других городах Европы превозносили Гитлера и его политику. А вот оппозиционная пресса не смела писать ничего резкого по адресу германских деятелей и дальше общей информации по внешне-

политическим вопросам не смела идти. Причем, это не мешало Беку неизменно повторять Давтяну, что «в Польше имеется свобода печати».

Необходимость постоянно маскировать подлинные цели своей внешнеполитической линии, прикрывать их надуманными ложной причинностью фантомами приводила к неприятным для Вежбовой последствиям. Иностраный дипломатический корпус в Варшаве (за исключением немцев) постоянно в разговорах твердил о том, что «польская внешняя политика непонятна и нельзя знать, чего она добивается». По мнению полпреда, известное беспокойство по этому вопросу испытывали и сами немцы, например, германский посол Г. Мольтке всегда очень настроенно воспринимал всякие намеки на возможные колебания и перемены в польской политике. Давтян делал предположение, что «очевидно, и немцы не очень доверяют полякам, опасаясь неожиданных вольтфасов и сюрпризов». Тем не менее, согласно его информации, Геринг во время своего визита «будто бы сказал Пилсудскому, что в случае опасности Польша всегда может рассчитывать на помощь немецкой армии».

Подводя итоги, советский дипломат приходил к неожиданному выводу: «Зашедшая далеко игра поляков с немцами, очевидно, предусматривает и возможность крутого поворота, если обстоятельства этого потребуют. Фактическая близость поляков к Германии не отрезает им, надо полагать, путей к тому, чтобы переметнуться к противнику, когда это понадобится. Но пока Польша еще твердо держится прогерманской позиции во всех европейских вопросах и особенно в вопросах, имеющих близкое отношение к нам». По мнению Давтяна основной целью польской внешней политики на тот момент являлось стремление помешать сближению СССР с Францией и вообще изолировать Москву от Европы.

Не было обойдено молчанием в донесении и северное направление. В частности, в связи с предстоявшим в первой декаде марта визитом начальника польского Главного штаба генерала Я. Гонсиоровского в Прибалтику⁶² обращал на себя внимание исключительно дружественный тон газеты «Польша збройна» от 23 февраля в отношении Эстонии и Финляндии и подчеркнутое замалчивание Латвии в конце статьи. Этот факт не остался без соответствующей оценки латвийских дипломатов в Варшаве. Давтян обращал внимание на то, что «здесь всегда особенно подчер-

кивается польско-эстонская дружба. Эстония всегда особенно выделяется при всех комментариях»⁶³.

Реакционные элементы в Финляндии в период зимы 1935 г. по-прежнему продолжали вести курс на разжигание антисоветских настроений в стране. При этом по дипломатической линии продолжали иметь место попытки выторговать для себя у советского руководства более выгодные экономические условия. Получив, как говорится «от ворот поворот» у Б. С. Стомонякова, посланник Ирье-Коскинен, попробовал было 27 февраля попытать счастье у М. Литвинова.

Не успел второй развернуть тезис о том, что коммерческие отношения между СССР и Финляндией он считает ненормальными, и они носят «как бы односторонний характер ввиду значительного превышения финского импорта из СССР над экспортом», как последний быстро вернул того к реальности. Нарком сразу перевел проблему в политическую плоскость, заявив, что «наши политические отношения с Финляндией не только не особенно дружественны, но даже и не особенно нормальны». Глава НКВД озвучил собеседнику жесткую истину — ни в одной стране прессой не ведется такой систематически враждебной СССР кампании, как в Финляндии. Ни одна из соседних стран не ведет такой открытой пропаганды за нападение на СССР и отторжение его территории, как Финляндия. В последней её ведет целый ряд организаций, в особенности так называемое карельское академическое общество, в состав которого входят весьма влиятельные лица и чуть ли не член правительства в лице министра внутренних дел Пухака.

В финляндских чертогах свила себе удобное гнездо русская эмиграция, некоторые из представителей которой попросту распоясались. Например, белогвардейская газета «Клич» призывает даже к террористическим актам. А военные лица отдаленной Японии почему-то сделали излюбленным местом туризма Финляндию.

Ирье-Коскинен пробовал было возражать, указывая, что за последние полгода пресса якобы изменила свое отношение к СССР, а финляндскому правительству вообще трудно влиять на неё. Однако руководитель советского внешнеполитического ведомства не согласился относительно бессилия правительства в борьбе с прессой и привел ему цитаты за самое последнее время, напомнив об отношении

финляндской прессы после убийства С. М. Кирова. В качестве примера была приведена Франция, где пресса не менее свободна, чем в Финляндии, но за последние несколько лет она изменила свое отношение к СССР в соответствии с изменением политики правительства, хотя остались те же газеты, те же журналисты и те же редакторы. Собеседник наркома получил наставление, что «правительства на то и существуют, чтобы вести за собою страну, а не тащиться за нею или за более отсталыми ее элементами». В качестве примера, на кого следует равняться, скорее всего не без некоего внутреннего сарказма, финляндскому дипломату была указана Польша, которая тоже молодая страна, но тем не менее есть известное соответствие между поведением ее правительства и значительной части прессы.

Советский руководитель был последователен и припомнил, что в самой Финляндии поведение прессы тоже бывало иным, и это совпадало с пребыванием Ирье-Коскинена во главе МИД. А вот, когда нынешнее состояние двусторонних отношений, и в особенности поведение финской прессы, министр Хаксель в беседе с советским полпредом 19 февраля признал вполне нормальными, НКИД «должен признать это вдвойне ненормальным». С советской стороны имеет место самое дружественное отношение к Финляндии, и Москва не дает абсолютно никакого повода для той травли, которую ведет против СССР финская пресса и даже финская общественность. Нарком в завершение беседы потребовал положить этому конец, на что Ирье-Коскинен на этот раз не возражал⁶⁴.

Попытку поговорить о торговых делах, в обход проблемы нормализации двусторонних отношений через неделю предпринял было в беседе с нашим полпредом в Гельсингфорсе Э. А. Асмусом и министр А. Хаксель. Однако натолкнувшись на неизменную политическую составляющую аргументации советской стороны, он был вынужден в конце полутора-часового разговора, заявить, что правительство, которое уже приняло ряд мер к умиротворению прессы и активистов, решило принять еще меры, могущие СССР удовлетворить. По словам Хакселя эти возможные меры на тот момент изучались и частично уже применялись, однако от их конкретизации министр, несмотря на вопросы советского дипломата, уклонился⁶⁵. Следует отметить, что данная проблема сохраняла свою актуальность и в декабре 1935 г.⁶⁶

Для географической полноты картины, касающейся создания «северного блока», хотелось бы затронуть и датское направление. 21 марта советский полпред в Копенгагене Н. С. Тихменев в беседе с тамошним премьером Стаунигом вынужден был затронуть тему антисоветской кампании, ведущейся в датской прессе. Она была явно враждебна СССР, по остроте могла сравниться лишь с антисоветской кампанией в германской прессе, а во главе её стоял орган правящей партии. Советский дипломат привел ряд примеров из «Социал-демократен», указав даты соответствующих номеров газет⁶⁷.

А 1 апреля в беседе с главой тамошнего МИД Мунком полпред без лишних церемоний позволил себе обозначить страны, усердно возложившие на себя в Скандинавии неблагоприятную роль «таскать каштаны из огня» грядущей войны — Германию и Польшу. Тихменев сказал, что, хотя официально не известно о существовании какого-либо военного договора между ними, но, судя по тому, что печаталось в обеих странах, можно предположить об агрессивных намерениях Германии и Польши насчет прилегающих частей СССР. На вопрос Мунка — неужели же германские генералы, понимающие опасность военных авантюр, согласятся начать войну, полпред дал более, чем исчерпывающий ответ. «Бывают такие политические положения, когда демагогия внутри какой-либо страны зашла настолько далеко, что ее правительство уже не в состоянии рассуждать разумно, голос разума умолкает, и дорога авантюрам открыта, как азартному игроку [...] если война начнется, ограничить ее или прекратить в начале будет невозможно, и она станет всемирной». Мунк вынужден был согласиться, а советский дипломат завершил мысль следующим образом: «Нужно теперь же принять все меры, чтобы во что бы то ни стало не дать войне начаться и сохранить мир». Мунк не возражал⁶⁸, а на следующий день принял участие в конференции скандинавских стран.

В письме НКИД СССР от 4 апреля Н. С. Тихменев сообщал, что в работе последней наряду с Мунком приняли участие Стауниг, и министры иностранных дел Швеции и Норвегии. Выпущено краткое коммюнике, в котором сообщалось, что состоялся обмен мнениями о современном положении и обсуждались вопросы повестки чрезвычайной сессии Совета Лиги наций в духе «желания приостановить соревнование в вооружениях». Кроме этого

коммунике ничего больше в печати не сообщалось, и полпред иных сведений о ней пока не имел. Глава норвежского МИД Кут сообщил в интервью, что к соглашению трех Скандинавских стран будут привлечены также Швейцария и Голландия⁶⁹.

Упоминание двух последних в связи с потенциальными участниками «северного блока» могло означать лишь одно — постепенно круг стран прямо, как Польша, Германия и Япония или косвенно, как Великобритания, желавших пожить за счет причастности к агрессии против СССР расширился и одновременно замкнулся. Как известно, еще в марте Германия заявила о введении воинской повинности, т. е. организационном оформлении рейхсвера, а также о создании собственных ВВС — люфтваффе. Международная конференция, с которой многие связывали принятие в отношении страны-нарушительницы карательных санкций, проходившая в Стресе 11–14 апреля, таковых не приняла, создав тем самым образчик того, как надлежит проводить политику в отношении государства, которому уготована роль потенциального агрессора. Последнему красноречиво намекнули — путь на Восток открыт. В складывавшихся обстоятельствах советское руководство было вынуждено предпринять шаги⁷⁰, приведшие к подписанию 2 мая советско-французского договора о взаимопомощи, который мог вступить в действие без санкции Совета Лиги наций и лишь в случае агрессии на *западные* границы СССР. А 12 мая мятущаяся душа покинула брненное тело маршала Пилсудского. Таким образом, форсированное создание «северного блока» при посредничестве режима «санации» стало заметно сбавлять обороты, а после ратификации весной 1936 г. упомянутого выше юридического документа акценты в международных отношениях изменились, и деятельность пост-пилсудчиковской дипломатии сосредоточилась на установлении общей польско-венгерской границы и создании так называемого «нейтрального блока».

Исследование можно было бы считать завершенным, ведь материалов, свидетельствующих о неблагоприятной роли польских реакционных кругов во главе с диктатором в сколачивании т. н. «северного блока» приведено достаточное количество. Да и не особо скрываемая устремленность реакционных финляндских кругов на участие в подготавливавшейся на 1935 г. японской агрессии на советский Дальний Восток показана достаточно убедительно.

Однако данные свидетельства хотя и имеют под собой документальную основу, но происходят из одного источника — НКВД СССР, т. е. это взгляд на развитие политической ситуации в международных отношениях так сказать с кремлевской колокольни. Для воссоздания объективной полноценной картины целесообразно было бы привлечь материалы, как говорится «с той стороны». Подобного рода возможность — взглянуть на отношение Финляндии к Польше, к Скандинавским и Прибалтийским странам, имевшее место военно-политическое сотрудничество с одной из последних, а главное к «советской угрозе» в интересующий нас период появилась сравнительно недавно.

В конце 1990-х гг. доцент Хельсингского университета Яри Лесконен обнаружил в рассекреченных фондах Государственного архива Эстонии и ввел в оборот новые документы, свидетельствующие о секретном постоянном военно-политическом сотрудничестве Финляндии и Эстонии, носившем стратегический характер, «стержнем которого было отражение считавшегося неизбежным нападения Советского Союза».

Подобного рода перспектива предполагала ведение военных действий с армией более сильного противника, которая даже в не самые лучшие свои времена достойно противостояла и успешно отражала натиск финских подразделений. Отсюда напрашивался вывод, что следует впрок запастись *надежным стратегическим союзником*, чье географическое и политическое положение в максимальной степени было приближено к Финляндии. С течением времени выбор был сделан, и это была не Польша. Исходя исключительно из прагматических соображений, в качестве такового стала рассматриваться Эстония.

На основании выявленных документов финский исследователь сделал вывод, что нарисованная в прежних исторических исследованиях картина пассивной политики Финляндии и Эстонии в области обеспечения безопасности в период между мировыми войнами абсолютно неверна. Военное руководство первой считало, что тесное сотрудничество со второй значительно укрепит безопасность Финляндии относительно великой восточной державы⁷¹.

Как свидетельствуют эстонские военные источники, у обеих сторон были весьма далеко идущие планы взаимодействия, облекавшиеся к тому же в совершенно четкие формы. А советские рассекреченные

документы беспристрастно свидетельствуют о серьезном отношении московского руководства относительно направленного против СССР финляндско-эстонского сотрудничества.

Финский историк связывает «поворотный пункт» в оборонной политике Финляндии с 1925 г., когда служившие ранее в России офицеры старшего поколения были оттеснены от руководства вооруженными силами молодыми, обученными в Германии егерскими офицерами. Если до этого момента военные планы Финляндии носили преимущественно оборонительный характер, то молодая команда под началом нового начальника генштаба полковника Курта Мартти Валлениуса незамедлительно приступила к «составлению новых планов с упором, прежде всего, на наступление».

Новое руководство генштаба сразу же проявило заинтересованность в сотрудничестве с Эстонией и Латвией. В 1928 г. ответственный финский офицер Аарне Сихво посетил Латвию и представил тамошним коллегам план совместных действий военных флотов. Последний предполагал совместные операции подводных лодок обеих стран в горле Финского залива против советского флота, идущего с востока. Поскольку сей проект был отклонен, то финское военное начальство сосредоточило свое внимание на Эстонии. «Упор на взаимодействие с эстонцами стал центральным пунктом в планах, составленных в 1930–1933 гг. оперативным отделом генштаба». Среди офицеров последнего принято было придерживаться мнения, что «успешная оборона эстонцев в возможной войне с Советским Союзом решающим образом улучшила бы позиции Финляндии в военном отношении». Там также считали, что «всякое изменение стратегической обстановки на южном побережье Финского залива в пользу Советского Союза повлияло бы неблагоприятно на собственные военные усилия Финляндии в случае возникновения конфликта». Ведь в случае полной или частичной оккупации южного берега Финского залива возникала возможность для создания советских военных баз, угрожавших бы стратегически важным областям Финляндии — Аландским островам и важным транспортным путям в Ботническом заливе. Наряду с этим советским ВВС, действуя с аэродромов Эстонии, было бы значительно легче нанести внезапные воздушные удары по индустриальным центрам Финляндии. В общем, в финском генштабе считали, что «чем дальше

эстонцы смогут сдерживать наступающую Красную Армию, тем лучше для Финляндии. Поэтому было бы также в интересах Финляндии, чтобы Эстонии, по причине ее большого стратегического значения, была оказана как можно большая помощь»⁷².

Как известно, лучший способ защиты — это нападение, возникает вопрос, а существовали ли совместные планы подобного рода? Существовали, о чем, среди прочего, свидетельствует памятная записка, подготовленная в конце 1930 г. оперативным отделом финского генштаба. В случае одновременного нападения Советского Союза на Финляндию и Эстонию она предусматривала масштабное наступление через Карельский перешеек на Ленинград и главную базу советского Балтийского флота — Кронштадт. В этих планах предпочтение отдавалось ведению военных действий в зимнее время, однако, если бы обстановка потребовала, следовало действовать и в летний период, хотя шансы на успех оценивались менее предпочтительнее. В этой записке предлагалось, чтобы финские войска «смело сконцентрировали все силы, которые только возможно выделить, на решающем направлении и попытались прорваться к Петербургу, что приведет либо к овладению Петербургом и уничтожению Балтийского флота, либо, более вероятно, к перегруппировке сил русских, при этом положение на южной стороне Финского залива можно будет спасти хотя бы на краткое время».

Наряду с вышеупомянутыми планами существовали еще две памятные записки Председателя совета обороны Финляндии К. Г. Маннергейма, составленные в 1931 г. Генерал отнесся к проблеме «восточного соседа» более обстоятельно и отметил, что для сколь-нибудь длительного сопротивления, в случае агрессии последнего, сил Финляндии, Эстонии и Латвии было бы недостаточно. В силу чего ему виделось необходимым предоставление внешней помощи на основе положения Лиги наций о санкциях, в особенности с севера, т. е. из Швеции. Ее оказание, в прямом или косвенном виде, понадобилось бы, прежде всего, Эстонии и Латвии, чье положение стало бы невыносимым весьма скоро, ведь у финнов не было возможности помочь им прямой посылкой войск. По мнению Маннергейма, идеальным решением была бы атака на Ленинград из Финляндии, либо от северной границы Польши, тогда Эстония с Латвией получили бы облегчение, да и иностранная военная помощь поспела бы к ним своевременно. «Наилучший результат был бы

достигнут в случае одновременного осуществления обоих вариантов, то есть если бы наступление велось как из Финляндии, так и из Польши».

Если латыши в отношениях с финнами предпочитали соблюдать определенную дистанцию, то эстонцы шли на сотрудничество с легким сердцем. Раз генштаб Финляндии высказал мнение, что планы облегчения военного положения требуют наличия точных данных о военных ресурсах, стало быть, военное начальство Эстонии передало туда все запрошенные совершенно секретные сведения о готовности страны к обороне. Историк Лескинен отмечает, что финский и эстонский генштабы обменивались оценками относительно своих планов обороны и старались их согласовывать на случай советского нападения. Практическое сотрудничество начальников генштабов, а также ведущих офицеров, отвечавших за оперативное планирование, проходило в рамках регулярных встреч на одном из укромных островов Финского залива, либо на корабле флота, что во многом облегчало сохранить его в тайне от журналистов и преждевременной огласки⁷³.

Начало совершенно секретному, длившемуся целое десятилетие, сотрудничеству было положено в первой декаде февраля 1930 г., когда по инициативе финского генштаба в Таллине были проведены первые переговоры о взаимодействии. В их ходе начальник оперативного отдела финского генштаба подполковник Вяйне Карикоски предложил, чтобы взаимодействие морских сил обоих государств осуществлялось в форме заграждения Финского залива. Командующий ВМС Эстонии контр-адмирал Герман Сальца дал положительный ответ и сразу же перевел диалог в конструктивное русло. Заметив, что в случае войны советский флот, очевидно, попытается заминировать фарватеры в самом узком месте Финского залива, между Порккала и Таллином, то для предотвращения минирования он предложил, чтобы финны возвели на Порккала батарею береговой артиллерии большой мощности. Действуя с финской стороны, она могла бы совместно с эстонской береговой артиллерией объединенными усилиями ограничить или даже пресечь заградительным огнем продвижение советского флота из Финского залива в Балтийское море. А для усиления артиллерийского заграждения финская и эстонская флотилии могли бы поставить между Порккала и Таллином обширное минное поле.

В последующем было найдено еще более удачное решение. Напротив береговых фортов Таллина, на подходе к полуострову Порккала исключительно удачно в стратегическом отношении располагался остров Мякилуото. Поскольку ширина Финского залива в этом месте составляла всего 36 км, то береговая артиллерия большой мощности после проведения модернизации до калибра 12 дюймов (305 мм) с дальностью стрельбы 40 км, при однотипном вооружении финнов и эстонцев, позволяла при одновременном применении обеспечить заградительный огонь без мертвых зон. Исследователь Лескинен обращает внимание на тот факт, что в первой половине 1930-х гг., когда строился форт Мякилуото, сотрудничество с эстонцами было особенно тесным. Последние предоставляли финнам чертежи батарей большого калибра и прочую фортификационную документацию. Старшие офицеры обеих сторон осуществляли взаимные командировки для ознакомления с подразделениями береговой артиллерии, целью которых было достижение тесного, нацеленного на артиллерийское заграждение, взаимодействия⁷⁴.

Какова же была суммарная мощность финляндско-эстонского берегового артиллерийского заграждения? Финский историк не обошел вниманием и этот серьезный вопрос. Совокупный огневой удар на отрезке шириной 36 км могли нанести 46 тяжелых и большой мощности орудия: восемь 305-мм, шестнадцать 254-мм, четыре 234-мм, два 203-мм, тринадцать 152-мм и три 130-мм орудия. В течение 5–6 минут им было под силу выпустить около 1000 снарядов по прорывающимся из Финского залива кораблям Балтийского флота. Этот огненный шквал могли дополнить восемь 254-мм орудий броненосцев береговой обороны «Илмаринен» и «Вяйнямейнен», сделав за тот же отрезок времени еще 100 выстрелов. В совокупности это не могло не предвещать при хорошей видимости значительного урона кораблям и многочисленных потерь среди советских моряков.

Для обеспечения слаженной деятельности береговых батарей необходимо было наладить с обеих сторон работу вспомогательных служб — оповещения и связи. Другими словами, для действенного артиллерийского заграждения необходимо было создать единую службу управления огнем и оповещения на обоих берегах Финского залива, что, в свою очередь предполагало, наличие функционирующих линий связи. Исследователь из Хельсингского университета

указывает, что уже в нач. 1930-х гг. действовала единая система разведки и оповещения морских сил Финляндии и Эстонии, наблюдавшая за советскими военными судами в Финском заливе. В случае начала военных действий и попытки их прорыва в Балтийское море она бы привела систему заграждения между Таллиным и Порккала в состояние боевой готовности⁷⁵.

Учитывая тот факт, что радиосвязь не обладает 100%-й эффективностью, для пущей надежности было реализовано соответствующее техническое решение — между финскими и эстонскими батареями под водной гладью был проложен телефонный кабель. Он был бронирован, проложен по самому дну, и случайные люди к сообщениям, шедшим по кабелю, в отличие от радиосвязи, доступа не имели. Это техническое решение позволило военному начальству Финляндии и Эстонии достигнуть соглашения о тайном сотрудничестве, которое частично могло осуществляться даже в том случае, когда одна из сторон официально будет нейтральной, а другая — в состоянии войны с Советским Союзом⁷⁶.

Поскольку в памятных записках Маннергейма была упомянута и Швеция, а ее военное начальство также было равнодушно к планам этого самого артиллерийского заграждения, то было бы несправедливо обойти ее молчанием. Я. Лескинен утверждает, что финский и шведский генштабы особенно тесно сотрудничали на протяжении 1920-х и 1930-х гг. И это было неспроста, т. к. шведское военное командование считало, что страну следует оборонять уже на восточной границе Финляндии. Финнам это было на руку, т. к. получалось, что шведы собственной безопасности ради, послали бы им на помощь значительные воинские контингенты.

Шведы же относились к финнам с той же долей прагматизма, с которой последние относились к эстонцам. В силу этого, они в к. января 1930 г., на две недели раньше финнов, прислали своих представителей в Таллин с тем, чтобы предложить эстонскому военному начальству идею заграждения Финского залива в самом узком месте. Стало быть, это самое заграждение предполагалось возводить лишь силами Эстонии и Финляндии, в то время как шведское военное руководство, стало бы действовать исключительно из-за кулис. А вот, если бы для Финляндии и Эстонии начался период боевых действий, то Швеция выступила бы на сцену, послав им в помощь

войска и оружие. А для того, чтобы она добралась бы до них по морю в целостности и сохранности, и было необходимо это самое артиллерийское заграждение, дабы Балтийский флот был заперт в Финском заливе и не мог топить транспорты со шведским снаряжением и войсками.

О финско-эстонском сотрудничестве, равно как об их совместных планах запереть балтийский флот в Финском заливе, советское руководство было проинформировано агентурной разведкой. Изучавший в архивах рассекреченные советские документы финский историк утверждает, что к планам Эстонии и Финляндии перекрыть залив в Советском Союзе относились очень серьезно. В Москве все это время придерживались мнения, что Финляндия, Эстония, Латвия и Польша рано или поздно примут участие в антисоветском походе и, когда Германия нападет, то примут ее сторону — следовательно, силы германского флота, влившиеся в заграждение, сделают его еще мощнее.

Для Красной Армии стратегия заграждений в Финском заливе вовсе не была тайной за семью печатями, т. к. весь этот замысел зародился еще в недрах генштаба царской России. Однако, необходимо было признать, что реализованная силами Финляндии и Эстонии заградительная система в самом узком месте Финского залива превращалась в оружие стратегического класса, представлявшая для советского флота в случае войны на Балтике серьезную угрозу⁷⁷.

Картина, созданная Яри Лесконеным, так сказать «с тамошной стороны» получилась, на наш взгляд, весьма впечатляющая — к военным действиям с СССР там готовились основательно. Вот только при сопоставлении с материалами советской дипломатической переписки, тезис о «советской угрозе» практически сходит на нет. Судите сами — многочисленные свидетельства об антисоветской кампании в финляндской прессе, нагнетавшейся в течение 1934 г. и не прекращавшейся в течение всего 1935 г. Сочувственное отношение главы МИД Хакселя к потенциальной японской авантюре против советского Дальнего Востока и японское военное наблюдение из Финляндии за СССР. Выходило, что не последний угрожал первой, а перед ним самим маячила опасность польско-германо-японо-финляндского вторжения, которое могло стать реальностью в течение 1935 г.

Для полноты картины «с тамошной стороны» было бы весьма неплохо привлечь свидетельства,

как говорится «из первых рук», т. е. из Польши. Подобная возможность также появилась в н. 2000-х гг. в связи с введением в научный оборот материалов из т. н. «личного архива И. В. Сталина», где содержатся донесения агента советской разведки, скорее всего, старшего офицера II отдела ГШ ВП, черпавшего сведения из ближайшего окружения Ю. Пилсудского. Последнему в первой декаде июля 1934 г. было доставлено личное послание бывшего военного министра страны восходящего солнца генерала Араки с предложением Варшаве и Берлину дать словесную гарантию о подключении к агрессии против СССР на следующий день после нападения Японии на советский Дальний Восток. 27 июля между фюрером и польским вождем было заключено «джентльменское соглашение», четвертый пункт которого считал необходимым «вовлечь в сферу своего влияния Венгрию, Румынию, Латвию, Эстонию и Финляндию»⁷⁸.

За два дня до достижения вышеупомянутого соглашения — 25 июля Бек посетил Таллин, а 26-го Ригу. Одной из главных задач его поездки в Эстонию было стремление добиться заключения военного союза между нею и Финляндией, направленного против СССР. Выполнить это ему удалось. Источник сообщал, что по мнению Варшавы, этот союз может быть заключен уже в октябре 1934 г. Этот альянс предполагалось затем «присоединить» к польско-германским планам⁷⁹.

«Санационная» дипломатия провела лето и осень в непрестанных трудах и заботах в деле обеспечения северного направления своих планов. В конце декабря «серьезный польский источник» сообщал, что в польско-германский блок усиленно втягивается Финляндия, а Варшава и Гельсингфорс «имеют полный сговор и единство мыслей по русскому вопросу». По настоянию первой — финны должны вскоре отозвать своего посланника в Берлине А. Вуоримаа и назначить его на должность генерального секретаря МИД, с тем, чтобы в ближайшем будущем возглавить его. «В Таллин будет назначен от Финляндии послом Рантакари, который добился заключения финско-эстонского военного союза, направленного против СССР. В Варшаву назначается послом от Эстонии Маркус — человек, на которого у Бека большая надежда. Маркус — сторонник идей Пилсудского. Все эти сведения источник сообщает в доказательство того, какое влияние Варшава оказывает на Финляндию и Эстонию»⁸⁰.

В конце 20-х чисел декабря министр Бек в стенах польской дипломатической миссии в Копенгагене провел несколько тайных встреч, среди прочего, с председателем Английского банка М. Норманом, пообещавшим Гитлеру и Пилсудскому для обеспечения антисоветской агрессии заем в 500 млн золотых долларов, из которых треть предназначалась последнему. Из Дании Бек должен был выехать в Стокгольм, где ему предстояло вести переговоры об образовании блока Швеция — Балтийская Антанта (в составе Финляндии, Эстонии и Латвии, без Литвы). Бек должен был представить шведам соображения, в силу которых к этому блоку могла бы присоединиться и Польша как балтийская страна с обязательным условием, чтобы Литва как самостоятельное государство перестала существовать и была включена в состав Польши на федеративных началах.

Бек к этой поездке усиленно готовился, собирая экономические и политические аргументы для обоснования необходимости такого блока. Планы по этому вопросу возникли еще летом 1934 г. во время пребывания в Варшаве шведского начштаба Нигрена. Тогдашний польский посланник в Швеции, А. Роман, в течение двух месяцев сильно продвинул эту идею среди влиятельных шведских политиков и подготовил визит своего шефа. В Стокгольм для совещания также намечался приезд представителей Эстонии и Финляндии. Текущими задачами Бека в ту поездку были: а) добиться воздействия Швеции на балтийские государства, главным образом на Латвию, в духе антисоветской ориентации этих государств; б) добиться того, чтобы Швеция признала факт включения Литвы в состав Польши тотчас после того, как в Литве совершится полонифильский переворот и новое литовское правительство объявит о вхождении Литвы в состав Польши; в) подготовить почву у шведов для получения займа в размере 100 000 000 зол. долларов, о чем уже велись переговоры в течение 3-х месяцев.

Наряду с Беком в Стокгольм должен был быть прислан из Варшавы кто-то из высших офицеров II отдела ГШ ВП или Генерального инспектората армии для переговоров о содействии шведов в организации польской разведки против СССР.

Советскому агенту также стало известно, что наряду с генералом Нигреном сторонником планов Бека в Швеции является шведский министр Рикерт. Действия Бека в Швеции должны были осуществляться при согласии и поддержке Германии. На момент

составления донесения результаты этой поездки Бека агенту были еще неизвестны. В заключение он сообщал, что осенью 1934 г. Польша заказала в Швеции изготовление 250 специальных зенитных орудий⁸¹.

В завершение статьи в качестве доказательства, подтверждающего тот факт, что к триаде Польша — Германия — Япония, намеревавшейся развязать агрессию в отношении СССР в течение 1935 г., на последнем этапе примкнула также и Финляндия следует привести еще один документ из «личного архива И. В. Сталина». Он был «изъят оперативным путем» советской разведкой из личного архива одного из лидеров российской эмиграции в Париже А. И. Гучкова, носит название «История возникновения одной коалиции» и не имеет окончания.

Автор вышеуказанного документа неизвестен, но по степени осведомленности и уровню обобщения информации можно предположить, что это, скорее всего, бывший старший или высший офицер российского Генерального штаба. Он ненадолго останавливается на последовательности вовлечения участников в вышеназванную коалицию, а затем, что самое ценное, подробнейшим образом рассматривает мотивацию её участников — Японии, Германии и Польши⁸². Он отмечает, что в качестве четвертого участника, позднее других, примкнула к коалиции также Финляндия. Её мотивация — это идея «Великой Финляндии», расширение территориальных пределов за счет соседних русских территорий — Ингерманландии⁸³, Карелии, вплоть до побережья Белого моря, а может быть до Урала. Он обращает внимание на тот факт, что эта идея и раньше культивировалась в некоторых кружках финляндских политических мечтателей».

Для более полного раскрытия темы нашей статьи было бы целесообразно для подведения итогов привести пару кратких цитат, касательно отличий мотивационного характера Германии и Польши. «В германском „движении на восток“ имеются все элементы — мистика, миссионизм, инстинкт народных масс, которые в состоянии придать ему громадное напряжение, зарядить его всепоглощающим „динамизмом“. И в то же время эти слепые, стихийные силы послушно контролю и руководству холодного разума государственных людей, военных стратегов и магнатов промышленности».

«Совсем иной характер носят восточные планы, которые отмечаются в политике польского правительства. В польском народе, особенно среди народ-

ных масс, эти планы не находят никакого отклика. Они ему навязаны сверху, прежде всего диктатором Польши, маршалом Пилсудским и его ближайшим окружением, при ближнем участии министра иностранных дел Бека и других полковников, составляющих современное польское правительство. Планы эти, однако, находят себе поддержку в некоторых политических и особенно в некоторых деловых кругах. Имеется, однако, и сильная оппозиция, которая считает, что дружба с Германией и военное сотрудничество с нею могут, когда-нибудь дорого обойтись Польше. [...] Таким образом, польский план „движения на восток“ носит в значительной степени личный характер, и имеет своим главным источником умонастроения и волю одного человека — маршала Пилсудского. Но в мозгу этого неуравновешенного, экзальтированного, больного человека идея „Великой Польши“, бесконечно расширяющей свои пределы за счет Литвы, Белоруссии и Украины, эта идея, в связи с закоренелой ненавистью к России и со страхом перед возрождением новой, национальной России, приняла формы болезненной „навязчивой“ идеи. Величие Польши и унижения России были заветной мечтой этого человека, составляя все содержание, весь смысл его жизни и деятельности. Старая, теряя зубы и ногти, чувствуя приближение, смерти он топчется, чтобы увидеть при жизни торжество своей идеи». Несмотря на явное различие мотивационных устремлений участников, в течение 1934 — весны 1935 гг. их объединяло объединяющее и всепоглощающее стремление — извлечь корыстные дивиденды от раздела советской территории. И, хотя от всей этой затеи исходил сомнительный дух предприятия авантюрного свойства, шансы на ее реализацию были гарантированы финансированием и, по некоторым данным, правовым обеспечением со стороны закулисного режиссера — британских ультрареакционных кругов, во главе с группировкой «Норман — Хейлшем»⁸⁴. Политика — это искусство возможного. Одновременно политика — это и искусство сделать возможное — невозможным. Относительно данной ситуации, связанной как с антисоветскими планами триады Польша — Япония — Германия, так и с созданием «северного блока» текущей задачей тогдашнего советского политического руководства — было сделать развитие подобной возможной перспективы — невозможной. Это ему удалось, и в этом немаловажная заслуга лично Иосифа Виссарионовича Сталина.

- ¹ *Maciejewski M. Federacyjne koncepcje sąsiedztwa u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939. Pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 2009. S. 139–158.*
- ² Борьба министра Ю. Бека за создание этого самого «интермариума» или «нейтрального блока» в период после краха организации антисоветской агрессии в 1935 г. подробно рассмотрена в кн. : *Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. Что скрывалось за политикой равноудаленности министра Ю. Бека. М., 2004. С. 293–500.*
- ³ *Maciejewski M. Federacyjne koncepcje sąsiedztwa u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej... S. 152.*
- ⁴ В частности, морская граница между РСФСР и Финляндией в Финском заливе шла от устья р. Сестры до Стирсуддена вдоль северного побережья. Затем поворачивала к острову Сескар и островам Лавенсаари и, обойдя их с юга, поворачивала прямо к устью р. Нарова на южном берегу Финского залива. Таким образом, эта граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива. — *Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). Т. III. М., 1959. С. 265–280.*
- ⁵ *Галин В. В. Интервенция и гражданская война. М., 2004. С. 144; ДВП СССР. Т. I. М., 1957. С. 71.*
- ⁶ ДВП СССР. Т. V. М., 1961. С. 424–430.
- ⁷ *Czechowski J. Wzloty i upadki w politycznych relacjach Polski i Finlandii w dwudziestoleciu międzywojennym // Dzieje Najnowsze. 2009. # 1. S. 53.*
- ⁸ С советской стороны соглашение подписано Я. Ганецким, а с финляндской — А. Хакселем. — ДВП СССР. Т. V. С. 162–163.
- ⁹ Вежбовая — улица в Варшаве, на которой в особняке Брюля с 1932 г. располагалось МИД.
- ¹⁰ *Czechowski J. Op. cit. S. 53.*
- ¹¹ *Власов Л. В., Власова М. А. Маннергейм и Польша. СПб., 2005. С. 171–172.*
- ¹² ДВП СССР. Т. XV. М., 1969. С. 45–48.
- ¹³ Советский полпред в Финляндии Б. Е. Штейн записал в своем дневнике о беседе с главой МИД 18 декабря 1933 г. : «Сославшись на статью “Ууси Суоми”, которая предлагала не ратифицировать Лондонскую конвенцию, я отметил, что это есть тоже политический вывод, но с обратным знаком. Мне приходит в голову (просто мыслю вслух), что одним из мероприятий противоядия, о которых я говорил выше, была бы быстрая ратификация президентом Лондонской конвенции и немедленное депонирование ратификационной грамоты в Москве. Я лично убежден, что это произвело бы в Москве очень хорошее впечатление.
- Во время моей реплики Хаксель несколько раз разводил руками, показывая, что он не знает, что конкретно он мог бы сделать... Не давая мне прямого ответа на мои мысли вслух, Хаксель стал мне подробно рассказывать процедуру передачи сеймом правительству сеймовых постановлений. По его словам эта процедура занимает около четырех недель после окончания сессии сейма». — ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 768.
- ¹⁴ ДВП СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 747, 755.
- ¹⁵ Для прикрытия польско-германского сближения варшавский МИД, среди прочего, усиленно распространял слухи о готовящемся советско-польском пакте антигерманской направленности, используя для этого как дипломатические каналы, так и средства массовой информации. — ДВП СССР. Т. XVI. С. 218.
- ¹⁶ «Известия». 5.01.1934.
- ¹⁷ ДВП СССР. Т. XVII. С. 26.
- ¹⁸ «Известия». 8.01.1934.
- ¹⁹ ДВП СССР. Т. XVII. С. 37, 107, 764.
- ²⁰ Политическое движение радикального толка в Финляндии, стоявшее на исключительно антикоммунистических позициях.
- ²¹ ДВП СССР. Т. XVII. С. 48–55.
- ²² Там же. С. 65.
- ²³ Там же. С. 66–68.
- ²⁴ Там же. С. 89–90.
- ²⁵ В указанной статье говорилось: «Гельсингфорс предложил Швеции оказать помощь финнам в военном укреплении островов Гогланд и Лавансари, которые расположены в центре Финского залива у открытого узкого прохода, ведущего в Кронштадт и Ленинградский порт. Швеции было предложено поручить своему генеральному штабу помочь финнам разработать план снабжения укреплений такими вооружениями, изготовленными шведскими военными заводами, которые были бы в состоянии, в случае войны, действительно запереть большевистский флот в Кронштадте. Финны просили также шведов взять на себя часть стоимости этих работ». — Там же. С. 771–772.
- ²⁶ ДВП СССР. Т. XVII. С. 90–92.
- ²⁷ В письме от 8 февраля 1934 г. Штейн сообщил, что на его вопрос Хаксель ответил, что запросил генштаб, который дал категорически-отрицательный ответ. — Там же. С. 772.
- ²⁸ ДВП СССР. Т. XVII. С. 93.
- ²⁹ Срок действия договоров продлялся до 31 декабря 1945 г. От советской стороны договоры подписал нарком М. Литвинов. От Латвии, Литвы и Эстонии подписали их посланники — соответственно А. Бильманис, Ю. Балтрушайтис и К. Тофер. — Там же. С. 227–232.
- ³⁰ Там же. С. 239–240.

- ³¹ Там же. С. 407–408.
- ³² ДВП СССР. Т. XVI. С. 765–768; «Известия». 29.12.1933, 30.12.1933.
- ³³ ДВП СССР. Т. XVII. С. 91–92.
- ³⁴ Там же. С. 372–375.
- ³⁵ Там же. С. 802.
- ³⁶ Там же. С. 442–444.
- ³⁷ Имелись в виду покушение Брауна и нападение Саукконена. — «Известия». 15, 22, 24 июня 1934 г.; 15 июля 1934 г.
- ³⁸ ДВП СССР. Т. XVII. С. 504–507.
- ³⁹ Одна из наиболее крупных общественных организаций в Финляндии, придерживавшаяся реваншистско-националистического направления.
- ⁴⁰ ДВП СССР. Т. XVII. С. 588.
- ⁴¹ Там же. С. 591–592.
- ⁴² История дипломатии. Под ред. В. П. Потемкина. Т. III. М. — Л., 1945. С. 506.
- ⁴³ Беседа замнаркома Н. Н. Крестинского с датским посланником в СССР Энгелем. 5 декабря 1934 г. — ДВП СССР. Т. XVII. С. 728–730.
- ⁴⁴ Там же. С. 609–610.
- ⁴⁵ Там же. С. 636–638.
- ⁴⁶ Убийцей был македонец болгарского происхождения Величко Димитров Керин, он же Владо Георгиев Калемен, он же Черноземский, имевший кличку «шофер», который был боевиком Внутренней македонской революционной организации и одновременно связан с хорватскими усташами. Заказчиком была гитлеровская верхушка, координатором от которой выступал Г. Геринг, а непосредственной подготовкой покушения занимался помощник германского военного атташе в Париже, капитан Генштаба Ганс Шпейдель, впоследствии командующий объединёнными сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе. — *Торндайк А., Торндайк Э., Радац К.* Операция «тевтонский меч». Большая карьера мелкого шпиона. М., 1960. С. 22.
- ⁴⁷ Дневник посла Додда. 1933–1938. М., 1961. С. 251.
- ⁴⁸ ДВП СССР. Т. XVII. С. 644–646.
- ⁴⁹ Там же. С. 824.
- ⁵⁰ Там же. С. 700.
- ⁵¹ Там же. С. 700–701.
- ⁵² ДВП СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 18.
- ⁵³ Дневник посла Додда. С. 238, 244.
- ⁵⁴ ДВП СССР. Т. XVIII. С. 44, 46.
- ⁵⁵ 4 апреля 1934 г. в Москве наркомом М. Литвиновым с Латвией, Литвой и Эстонией были подписаны протоколы о продлении срока действия договоров о ненападении и мирном разрешении конфликтов. — ДВП СССР. Т. XVII. С. 232–234.
- ⁵⁶ Имеется в виду письмо норвежского министра Мувинкеля наркому Литвинову от 7 февраля 1935 г., где говорилось: «Я прочитал с самой большой благодарностью сообщения о героическом спасении командой советского парохода «Сакко» 12 норвежских моряков парохода «Фри» от верной смерти. Норвежский народ глубоко признателен за это. Пользуюсь случаем, чтобы дать Вам, г-н Министр, как представителю Советского Союза нашу оценку подвига ваших храбрых соотечественников». — ДВП СССР. Т. XVIII. С. 77, 617.
- ⁵⁷ «Известия». 30 января, 8 февраля 1935 г.
- ⁵⁸ «Известия». 28 января 1935 г.
- ⁵⁹ ДВП СССР. Т. XVIII. С. 110.
- ⁶⁰ Беседы состоялись 20 и 23 февраля 1935 г. — Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969. С. 258.
- ⁶¹ Польский писатель.
- ⁶² «Известия». 3, 4, 10 марта 1935 г.
- ⁶³ ДВП СССР. Т. XVIII. С. 134–137.
- ⁶⁴ Там же. С. 142–144.
- ⁶⁵ Там же. С. 163.
- ⁶⁶ В записи беседы полпреда СССР в Финляндии Э. А. Асмуса с премьер-министром Кивимяки от 2 декабря 1935 г., говорилось, что, отвечая на предложение последнего «подумать о заключении торгового договора и поговорить о рыболовстве в Финском заливе», полпред «выдвинул в качестве предварительного условия всяких дальнейших разговоров» изменение политики в отношении СССР. — Там же. С. 621.
- ⁶⁷ Там же. С. 196.
- ⁶⁸ Там же. С. 257–258.
- ⁶⁹ Там же. С. 631.

- ⁷⁰ Подробности см. : Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. Указ. соч. С. 199–217; *Он же*. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 г. // *Славяноведение*. № 5. 2005; *Он же*. Из довоенного досье // *Международная жизнь*. № 1–2. 2007.
- ⁷¹ Лескинен Я. Гостайна, обойденная молчанием // *Независимое военное обозрение*. 12.09.2003. http://nvo.ng.ru/history/2003-09-12/5_gostayna.html
- ⁷² Лескинен Я. Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ В середине 1930-х гг., когда форт Мякилуото был готов, то отработка взаимодействия с целью перекрытия Финского залива началась на практике. Во вт. пол. 1930-х гг. совместные учения финской и эстонской береговой артиллерии в условиях совершенной секретности устраивались ежегодно. — Там же.
- ⁷⁵ Во вт. пол. 1930-х гг. удалось создать единую систему управления огнем береговой артиллерии. Так, например, эстонской артиллерией заграждения можно было управлять с финского побережья и наоборот. — Там же.
- ⁷⁶ В качестве дополнения к артиллерийскому заграждению Эстония и Финляндия уделяли внимание и сотрудничеству флотов в период возможной войны. Было признано целесообразным для Эстонии отдать предпочтение подводным лодкам. Для того, чтобы флот Эстонии смог обзавестись ими в 1933 г. ей пришлось продать два своих эсминца. В 1937 г. были получены две подводные лодки, построенные в соответствии с пожеланиями финнов. На них могли применяться такие же торпеды и мины, что и на финских. В рамках сотрудничества флотов эстонские морские офицеры обучались на финских подводных лодках. Наряду с этим, Финляндия и Эстония, опасаясь, что советскому флоту удастся завладеть стратегически важными Аландскими островами и эстонскими Сааремаа, Хийумаа, Муху и Вормси, и для прохождения судов в Швецию придется использовать финские шхеры, договорились о рекогносцировочных походах эстонских судов. Флот Эстонии в 1930-е гг. совершал ежегодный секретный рекогносцировочный поход к побережью и в шхеры Финляндии. В течение похода проводилось основательное ознакомление экипажей с прохождением шхерных и прибрежных фарватеров в условиях военного времени, иначе говоря, когда огни маяков и прочие обязательные навигационные знаки либо убраны, либо установлены неверно для дезориентации противника. — Там же.
- ⁷⁷ Хотя Эстония после вхождения в состав СССР уже не была равноценным партнером, однако в 1941 г., сразу же после начала войны, финны приняли осуществлять план записания советского флота в Финском заливе. Вот только на этот раз вместо эстонцев партнерами по совместной работе были вышедшие на южное побережье Финского залива немцы. — Там же.
- ⁷⁸ ИНО ГУГБ — И. В. Сталину. 5.09.1934. — Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 82.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Там же. Л. 91.
- ⁸⁰ ИНО ГУГБ — И. В. Сталину. 28.12.1934. — РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 45–46.
- ⁸¹ Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945). Составитель Соцков Л. Ф. М., 2009. С. 22–30.
- ⁸² При рассмотрении мотивации Финляндии документ обрывается
- ⁸³ Ингерманландия (рус. Ингрия, Ижора, Ижорская земля) — этнокультурная и историческая область на северо-западе современной России. Располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами на востоке. Её границей с Карелией считаются реки Сестра и Смородинка.
- ⁸⁴ Согласно устного утверждения постоянного замглавы Форин офис сэра Роберта Ванситтарта, сделанного им Беку во время встречи в стенах польской дипломатической миссии в Копенгагене 28 декабря 1934 г., что «правительство Англии (а не группировка Норман — Хейлшем) связано с Японией секретным договором, в силу коего Англия гарантирует Японии не только благожелательный нейтралитет в войне с СССР и кредиты на войну, но также и невозможность вооруженного конфликта между Японией и Америкой». — Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики. Указ. соч. С. 26.